УДК 327.8(5-191.2)

ПОИСК НОВОЙ МОДЕЛИ ПРИСУТСТВИЯ США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

И.В. Халанский

Исследуется проблема поиска новой стратегии присутствия США в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана в 2014 г.

Ключевые слова: Центральная Азия; Афганистан; США; стратегия.

Афганский вектор уже много лет остается ключевым в ряду угроз безопасности для Центральной Азии. Эти угрозы проистекают как из социально-экономических и политических проблем развития самого Афганистана, так и в силу "геополитической игры", в которой Афганистану и базирующимся на его территории боевикам отводятся весьма специфические место и роль.

Начавшийся в июле 2011 г. процесс вывода войск США и их союзников по НАТО из Афганистана и передача ответственности за безопасность афганским органам власти связаны с рядом факторов, большая часть которых осложняет этот процесс и вызывает немало вопросов, на которые пока нет ответа. Это обусловливает неопределенность как самого переходного процесса, так и ситуации, складывающейся в Афганистане и вокруг него.

Угрозы и вызовы, связанные с афганским вектором, можно (достаточно условно) разделить на три группы: реальные угрозы и вызовы, то есть те, с которыми системы региональной и национальной безопасности сталкиваются в настоящее время; предполагаемые угрозы и вызовы, то есть те, которые могут возникнуть в случае провала стратегии западной коалиции, изменения тактики ее борьбы с повстанческим движением, а также ее стремительного ухода из Афганистана; третья группа связана с активно дебатируемой в настоящее время проблемой участия ШОС в урегулировании ситуации в Афганистане [1].

Важнейшим фактором, влияющим на дальнейшее развитие ситуации, служит будущий политический облик Афганистана. В первую очередь речь идет о судьбе страны в ближайшей перспективе, в частности, о форме правления, внутренней и внешней политике, политических, социальных и экономических реформах, обеспечении прав женщин и т. д., а также о планах и стратегии вывода войск НАТО, которые будут в значительной мере влиять на политический процесс в течение всего переходного периода.

Самый важный вопрос – кому будет принадлежать власть в Афганистане после ухода коалиционных сил? Действующий сверхцентрализованный режим имеет мало шансов сохраниться в его нынешнем виде, поскольку в системе государственного управления он должен получить более широкий спектр политических сил, включающих талибов и их союзников.

Сейчас все акторы на афганском политическом поле признают необходимость переговоров и вовлечения противников режима в политический процесс. "При этом ставятся три условия: отказ противников режима от вооруженной борьбы, разрыв с "Аль-Каидой" и признание действующей конституции" [2]. Убийство главы Высшего совета мира Афганистана Б. Раббани 20 сентября 2011 г. свидетельствует не в пользу стремления мятежников к переговорам с правительством Х. Карзая. Даже если они сядут за стол переговоров, неизвестно, согласятся ли они подписать соглашение, которое удовлетворит афганское правительство или США в условиях, когда они уверены, что переиграют США и НАТО. И, наконец, нельзя исключать того, что мятежники могут использовать переговоры в своих интересах и нарушить достигнутое соглашение, когда им будет удобно.

Еще один важный фактор, который оказывает влияние на процесс вывода войск, – позиция стран-соседей Афганистана (Ирана, Пакистана, Китая, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана) и региональных государств (России, Турции, Индии, Саудовской Аравии). В контексте афганской ситуации у них немало общих интересов – прекращение

военных действий и иностранного военного присутствия, достижение и обеспечение безопасности и стабильности, борьба с наркобизнесом, достижение национального единства Афганистана. Однако у каждой из этих стран есть свои интересы и намерения, не всегда совпадающие с национальными интересами народа Афганистана.

Еще одно важное обстоятельство, которое должно стать предметом беспокойства покидающих страну сил НАТО, заключается в том, что ни США, ни их союзники не имеют четкой стратегии перехода ответственности к афганцам. Речь должна идти не только о стратегии и тактике вывода войск коалиции, но и об обеспечении условий, при которых Афганистан после 2014 г. останется стабильным и безопасным государством. Пока нет признаков того, что это достижимо. У союзников также отсутствует четкое представление о том, какие цели они будут преследовать в Пакистане, странах Центральной и Южной Азии после 2014 г.

Что касается России, то она занимает неоднозначную позицию по вопросу вывода войск НАТО из Афганистана. Эта позиция была изложена министром иностранных дел РФ С. Лавровым в интервью афганскому телеканалу "Толо". Суть ее заключается в следующем: "Россия принципиально выступает против присутствия любых иностранных войск в Афганистане, поэтому заинтересована в их уходе, в то же время она считает, что США и их союзники по международной коалиции должны полностью выполнить задачи, поставленные перед ними мировым сообществом, и отчитаться перед СБ ООН, который выдал коалиции мандат на ликвидацию очага терроризма и религиозного экстремизма в Афганистане. Будучи заинтересованной в устранении угрозы, исходящей из Афганистана, Россия оказывает содействие международной коалиции, предоставив свое воздушное пространство и территорию для транспортировки военнослужащих, а также невоенных грузов НАТО из Афганистана и обратно" [2].

В ближайшей перспективе, по мере ухода западных войск, страны Центральной Азии вместе с Россией и Китаем будут вынуждены выработать стратегию противодействия политико-идеологической экспансии терроризма и религиозного экстремизма и сохранения безопасности в регионе в условиях возможного усиления роли талибов в Афганистане и их союзников в этих странах (Исламское движение Узбекистана и "Хизбут-Тахрир").

Выкладки американских аналитических центров, дискуссии в подкомитетах Конгресса и на страницах печати свидетельствуют, что в США ведется поиск новой модели присутствия в Центральной Азии после 2014 г. Уже сейчас можно проследить отдельные направления эволюции стратегии Вашингтона в регионе, которые, вероятно, сохранят свою актуальность в течение всего второго срока полномочий администрации Б. Обамы.

По прогнозам аналитического центра "Stratfor" в 2013 г. в отношениях Россия – Запад резких изменений не ожидается. "Отмечается, что наибольшую роль сыграют два фактора. Во-первых, Запад не откажется от своего курса по обеспечению собственных геополитических интересов и попытается направить глобальные геополитические процессы в угодное ему русло. Во-вторых, в бывших советских республиках национально-политическая элита не захочет попасть под влияние внешних сил" [3].

Бюджетные проблемы подталкивают Соединенные Штаты к урезанию своих программ в Центральной Азии. Впервые Госдепартамент и Агентство по международному развитию США (USAID) резко снизили финансирование центрально-азиатских проектов в 2011г., уменьшив ассигнования с 436 до 126 млн долларов [4].

Например, по данным Ежегодного доклада США перед ОЭСР/КСР через зарубежные базы данных о помощи США, Кыргызстан получил 54,1 млн долларов от USAID только в 2011 г., и дополнительно 4,3 млн долларов из Госдепартамента США. В том же году вся Центральная Азия как регион получила в общей сложности 28,9 млн долларов от обоих агентств США. Из всех стран Центральной Азии Кыргызстан стал крупнейшим получателем помощи USAID в регионе в 2011 г., в то время как Узбекистан получил наименьшее количество. Помощь Госдепартамента в регион Центральной Азии в 2013 г. составит в общей сложности до 118,3 млн долларов. По сравнению с 2012 г., общий объем помощи в регион был сокращен на 15,3 млн долларов. Тем не менее, несмотря на снижение объема, помощь США в обеспечении безопасности в регионе останется в основном без изменений [5].

Поскольку под секвестр попали в основном программы политического, социально-экономического и гуманитарного характера, можно ожидать снижения американского влияния на внутриполитические процессы в республиках Центральной Азии. Представляется, однако, что такое снижение будет происходить плавно.

По альтернативному сценарию развивается ситуация в сфере безопасности, где Вашингтон, напротив, наращивает расходы на всевозможные тренинги, поставки оборудования, обмен ин-

формацией и другое взаимодействие с силовыми и специальными службами стран региона. Только в 2012 г. Соединенные Штаты (по линии Госдепартамента, Пентагона и Министерства энергетики) увеличили затраты на сотрудничество с республиками Центральной Азии в этой области сразу на 40 %, или 60 млн долларов. По итогам года они составили 215 млн долларов, что почти вдвое выше ассигнований на политико-гуманитарные инициативы.

Повышенный интерес к вопросам безопасности проявляет также Евросоюз и лично спецпредставитель ЕС по ЦА Патриция Флор [6], разрабатывающие для региона новую рамочную Стратегию, взамен истекающего в 2013 г. старого документа.

Другой отличительной чертой обновленного подхода США к ЦА становится активизация военно-технических контактов. Именно по линии министерства обороны США сегодня выделяются основные ресурсы и, надо полагать, там же принимаются ключевые решения по региону.

Мало у кого вызывает сомнения тот факт, что американцы предпримут шаги по сохранению в ЦА крупного военного объекта, необходимого для сопровождения афганских операций, коим сегодня выступает Центр транзитных перевозок в киргизском аэропорту “Манас”. База подобного класса для США – это не только важнейший инфраструктурный узел, через который осуществляется переброска большей части рядового состава и особо ценных грузов к афганскому театру боевых действий, но также ближайший из трех аэропортов подскока, производящих дозаправку в воздушном пространстве Афганистана, и удобный плацдарм для размещения аппаратуры радиоэлектронного слежения [4].

Опыт “тюльпановой революции” 2005 г. показывает, что для сохранения Центра транзитных перевозок в аэропорту “Манас” американская дипломатия может пойти на самые серьезные меры вплоть до вмешательства во внутренние дела Киргизии, где внушительная часть политического истеблишмента по-прежнему ориентирована на Вашингтон. В американских экспертных кругах обсуждается необходимость организации первого в истории визита президента США в Центральную Азию с заездом в Бишкек с целью решения стоящих перед Соединенными Штатами задач, включая продление истекающего в июле 2014 г. соглашения по аэропорту “Манас”. В сложившейся ситуации нельзя исключать и вариант передислокации американской военной базы на ранее подготовленные площадки в других республиках, одна из которых, в частности, создана в узбекском аэропорту “Навои”, реконструированном с помощью южнокорейских подрядчиков и в настоящее время фактически простаивающем.

Высока вероятность разрастания сети более мелких военных объектов США: тренировочных лагерей для спецподразделений; мультимодальных перевалочных пунктов для диверсификации маршрутов транзита натовских грузов; складов для хранения техники и вооружения вблизи границ Афганистана, которое может быть расконсервировано и переброшено в зону конфликта в случае обострения там обстановки (практика создания подобных складов широко применялась американским командованием в Кувейте при выводе войск из Ирака в 2011 г.).

При этом на роль приоритетного военно-технического партнера Соединенных Штатов в ЦА все больше претендует Ташкент. Через территорию Узбекистана проходит главный канал Северной сети поставок, снабжающий группировку НАТО в Афганистане. Власти республики ведут с Вашингтоном переговоры о передаче узбекской армии части военной техники, выводимой из ИРА, включая разведывательные беспилотники, вертолеты и колесные броневики с усиленной минной защитой.

Дополнительно ЦА все чаще рассматривается американцами как важный район тылового обеспечения. В 2012 г. Вашингтон сразу в 7 раз увеличил закупки снабжения в центральноазиатских республиках, доведя их объем до 1,3 млрд долларов, где основная доля (820 млн) пришлась на приобретение топлива у Туркмении. Аналогичная сумма в 1,3 млрд долларов выделена и на 2013 г. Если после 2014 г. Белый дом не откажется от обещаний поддержки действующего руководства Афганистана, то только на обеспечение ГСМ Афганской национальной армии ежегодно понадобится в среднем по 555 млн, или 2,8 млрд долларов в течение 2014–2018 гг. Учитывая дефицит нефтепродуктов в Афганистане и проблемы с их импортом из соседних стран, вероятно, значимым источником топлива для американцев в ближайшей перспективе останется НПЗ в Туркмении.

В целом, текущий всплеск военно-технического сотрудничества Америки со странами Центральной Азии сопряжен с интенсификацией действий в Афганистане, поэтому его перспективы во многом будут зависеть от развития ситуации южнее Амударьи, в том числе успешности пуштунского повстанческого движения и удержания власти в Кабуле лояльным Западу правительством.

Что касается экономической политики США в Центральной Азии, то, скорее всего, она, как и раньше, будет нацелена на решение трех основ-

ных задач: получение доступа к каспийским углеводородам; ослабление стратегических соперников в лице Москвы и Пекина; экономическую стабилизацию Афганистана и снижение его зависимости от внешних дотаций.

Текущие коммерческие интересы американских компаний сосредоточены на нефтяных ресурсах Центральной Азии, доказанные запасы которых колеблются в пределах 2,5–3 % от общемировых. Соответственно, сохранится ситуация, когда инвестиции в нефтяной сектор Казахстана (свыше 30 млрд долларов в течение 1993–2013 гг.) будут значительно превышать вложения США во все другие страны и отрасли региона вместе взятые (на следующий по списку Узбекистан к 2009 г. пришлось только 500 млн долларов). При этом серьезную проблему для американского капитала, по прогнозам, составит стремление Астаны пересмотреть в свою пользу нефтяные концессии 1990-х гг. под давлением фискальных и экологических претензий, а также географическая замкнутость региона, сырье из которого на западные рынки приходится доставлять по российской трубопроводной системе.

Исходя из этого, Соединенные Штаты продолжат лоббирование так называемого "южного энергетического коридора" в обход территории России. Но противодействие строительству трубопроводов по дну Каспия будет подталкивать их концентрировать усилия преимущественно на создании западного участка этого коридора между Азербайджаном и Турцией, которые в июне 2012 г. при посредничестве Вашингтона подписали соглашение о прокладке к 2017 г. "Трансанатолийского" газопровода.

На долгосрочный период рассчитана экономическая программа Нового шелкового пути, обнародованная Госдепартаментом летом 2011 г. и предполагающая создание инфраструктуры между Центральной, Южной Азией и Афганистаном, а также либерализацию торговли между ними. Хотя в рамках Нового шелкового пути Соединенные Штаты добились успехов в реализации ряда локальных проектов (нескольких автодорог, мостов, ЛЭП и железнодорожной ветки из Узбекистана на Мазари-Шариф), перспективы таких масштабных межрегиональных коммуникаций, как газопровод TAPI и ЛЭП CASA-1000, пока выглядят туманными. Их "воплощение в металле" тормозят небезопасный маршрут через Афганистан, дороговизна, неопределенность вокруг сырьевой базы, напряженные отношения потенциальных покупателей и транзитеров сырья, а также альтернативные предложения Ирана и КНР. Тем не менее, Белый дом, вероятно, не откажется от проектов, продвижение которых сулит снижение российского и китайского влияния в Центральной Азии, дальнейшую изоляцию Ирана, открытие доступа к газовым ресурсам Каспийского региона.

"Новый шелковый путь" выступает также пока эфемерным, но все-таки потенциальным конкурентом Евразийского союза. Инициатива "Новый шелковый путь" была выдвинута госсекретарем США Хиллари Клинтон в выступлении в Ченнаи в Индии 20 июля 2011 г. Проект предусматривает создание сети торговых и транспортных коридоров, которые должны проходить через Афганистан и связывать между собой рынки государств Южной и Центральной Азии" [7].

"В заключении необходимо отметить, что прогнозирование будущей стратегии США в Центральной Азии сильно осложнено наличием множества факторов неопределенности, среди которых: развитие ситуации в Афганистане, возможная попытка силового смещения правительства Ирана, новая фаза мирового финансово-экономического кризиса, смена глав государств в Узбекистане и Казахстане и др. Очевидно одно – регион попрежнему останется ареной столкновения интересов ведущих мировых держав – России, США и Китая" [4].

Литература

1. *Сыроежкин К.* Что делать ШОС, если США переносят зону конфликта в Ферганскую долину? / К. Сыроежкин. URL: http://www.imperiya.by/club4-13789.html
2. *Коргун В.* Проблемы и риски вывода войск НАТО из Афганистана / В.Коргун. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=438#top
3. *Адыгезалов К.* Главные геополитические тренды: прогнозы на 2013 год / К. Адыгезалов. URL: http://newtimes. az/ru/ experts/1325/#.UmYh_VmYGR8
4. *Попов Д.* Центральная Азия в стратегии США после 2014 г. / Д. Попов. URL: http://www.geopolitica. ru/article/centralnaya-aziya-v-strategii-ssha-posle-2014-g#.UmY4_1mYGR8; http://www.imperiya.by /po litics1-16458.html
5. *Касымова А.* США намерены урезать помощь Центральной Азии, но усилить внимание на безопасность в регионе / А. Касымова. URL:http://www.ca-portal.ru/article:6162.
6. *Флор П.* Евросоюз заинтересован в разрешении водных проблем в Центральной Азии / П. Флор. URL: http://www.24kg.org/news-stall/159050-patriciya-flor-evro-soyuz-zainteresovan-v.html; Мырзакматов встретился

с спецпредставителем Евросоюза в ЦА Патрицией Флор. URL: http://vesti.kg; *Флор П.* В том, что Рахмон будет участвовать в выборах, сомнений нет… / П. Флор. URL: http://rus.ozodi.org/content/article/25084439.html

7. *Каримов Д.* США рассчитывают компенсировать военные неудачи в Афганистане созданием “интеграционного” проекта / Д. Каримов // Российская газета “Неделя”. 01.11.2012 № 5926 (253) / URL: http://m.rg.ru/2012/11/01/kod.html